

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 61–67. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 61–67. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN CGOUPK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-61-67>

ТРАКТОВКА РОМАНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А.С. ПУШКИНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье рассматриваются концепции четырех зарубежных англоязычных исследователей, связанные с пониманием ключевых смыслов романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Автор работы отмечает, что позиции и взгляды этих ученых мало знакомы современным отечественным литературоведам. Между тем в четырех проанализированных статьях авторы обращаются к роману Пушкина, показывая до сих пор не проанализированные подробно в пушкинистике этапы и стадии взросления Гринёва, его сепарацию от авторитарного отца, сцены жестокости в «Капитанской дочке» и их место в поэтике произведения, глубинный смысл, связанный с личной жизнью Пушкина и его взаимоотношениями с императором. При осмыслении статей поднимается проблема личного и общественного, их возможного сочетания, отдельное внимание уделяется фигуре Гринёва, его роли в романе.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Капитанская дочка», творческая концепция, исторический роман, семейный роман, личность, трикстер, Кэрл Эмерсон, Александр Грасс, Лесли О’Белл, Полина Рикун.

Для цитирования: Андреева В.Г. Трактовка романа «Капитанская дочка» А.С. Пушкина в исследованиях зарубежных ученых // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 61–67. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-61-67>

Research Article

INTERPRETATION OF THE NOVEL “THE CAPTAIN’S DAUGHTER” BY A.S. PUSHKIN IN THE RESEARCHES OF FOREIGN SCIENTISTS

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Leading Research Fellow, Kostroma State University, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article examines the concepts of four foreign English-speaking researchers related to understanding the key meanings of A.S. Pushkin’s novel “The Captain’s Daughter”. The author of the work notes that the positions and views of these scientists are little known to modern Russian literary scholars. Meanwhile, in the four analyzed articles, the authors turn to Pushkin’s novel, showing the stages and phases of Grinev’s growing up that have not yet been analyzed in detail in Pushkin studies, his separation from his authoritarian father, scenes of cruelty in “The Captain’s Daughter” and their place in the poetics of the work, the deep meaning associated with Pushkin’s personal life and his relationship with the emperor. When comprehending the articles, the problem of the personal and the public, their possible combination is raised, special attention is paid to the figure of Grinev, his role in the novel.

Keywords: A.S. Pushkin, “The Captain’s Daughter”, creative concept, historical novel, family novel, personality, Caryl Emerson, Alexander Groce, Leslie O’Bell, Polina Rikoun.

For citation: Andreeva V.G. Interpretation of the novel “The Captain’s Daughter” by A.S. Pushkin in the researches of foreign scientists. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 61–67 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-61-67>

Со времени выхода в свет и до нынешних дней «Капитанская дочка» остается одним из самых читаемых и обсуждаемых произведений Пушкина. Этот небольшой по объему, лаконичный, но очень глубокий и занимающий одно из центральных мест во всей русской литературе XIX в. роман, во многом ставший итогом творческих исканий Пушкина, чрезвычайно актуален и современен, привлекает внимание множества читателей – от школьников (так как входит в программу по литературе) до специалистов-литературоведов, которые продолжают рассуждать по поводу загадок «Капитанской дочки», пушкинского «наставления» потомкам и ключевых смыслов произведения.

К сожалению, и в академической, и в педагогической среде (высшей и средней школе) малое внимание уделяется взглядам зарубежных ученых на «Капитанскую дочку» – роман не только о русском бунте, но и о русской жизни, месте личности в российском обществе, прохождении человеком определенных жизненных этапов. В данной статье мы обращаемся к концепциям четырех зарубежных исследователей, позволяющим с разных сторон взглянуть на роман Пушкина и учесть некоторые значимые моменты, которые часто игнорируются в отечественной науке.

Все четыре обозреваемые и анализируемые нами статьи нельзя назвать новыми, они были написаны более 10–15 лет назад. Однако соответствующие авторские трактовки не получили широкого освещения. В несколько большей степени отечественным ученым известна статья Кэрил Эмерсон о «Капитанской дочке» [Emerson], вышедшая еще в 1981 г. и позднее включенная в книгу зарубежной исследовательницы. По крайней мере, эта работа хотя бы цитируется российскими исследователями (см.: [Марусова]). Однако и данная, и три другие статьи англоязычных ученых почти не вписаны в отечественные трактовки романа как ценные и значимые представления иностранцев, которым (с учетом иного взгляда на жизнь, другого менталитета, отличающейся методологии научной работы) мы должны уделять внимание.

Начнем со статьи *Кэрил Эмерсон*, которая подробно анализирует сон Гринева, выявляя его скрытые смыслы. Исследовательница отмечает: тема самозванца в истории была для Пушкина значимой – он поднимал ее в «Борисе Годунове», позднее поднял в «Капитанской дочке». И в том, и в другом произведении есть сны, но они различны. По мнению Эмерсон, сон Григория «раскрывает не его характер или личность, а его судьбу» [Emerson: 60], а в «Капитанской дочке» «история вмешивается в сказку только в той мере, в какой она дополняет и завершает отдельные, частные личности, частные истории» [Emerson: 61].

Исследовательница делает акцент на личном пути героя, отмечая, что в романе не столько важна роль

Пугачева в истории, сколько его значение в жизни Гринева. В связи с тем, что речь идет о становлении личности, эго героя, Эмерсон считает наиболее уместным использование фрейдистских методов, находит в сне Гринева конфликты развивающейся личности. Отметим, что в статье Эмерсон представления Фрейда о сознательном и бессознательном, о разных типичных видах снов даны очень емко и лаконично: «Сон Гринева представляет собой композицию из умирающего отца и страха возвращения домой после двух неудач: проигрыша Зурину в азартные игры, который стоил им сто рублей, и просчета погоды, который мог стоить им жизни. В обоих случаях Петруша пытался действовать как мужчина...» [Emerson: 62].

Работа Эмерсон стала поистине классической основой для дальнейшего изучения проблемы отцов и детей в романе Пушкина и последующих произведениях XIX в. Литературовед показывает, как герой Пушкина проходит ряд стадий взросления, причем достаточно быстро сменяющих друг друга. Эмерсон считает, что иерархия дома у Гриневых была настолько сильной, что Петруше действительно необходимо было уехать, чтобы измениться, повзрослеть: «...Новая модель и сила – “Пугачевщина” – таково и название главы шестой. Здесь наступает второй этап – время взросления Петруши, но он может повзрослеть, только потеряв связь со своими родителями. В определенном повороте событий Петруша даже играет отца Савельича, спасая его от разбойников Пугачева...» [Emerson: 66].

Идея отражения детско-родительских отношений в их психологической составляющей в романе «Капитанская дочка» принадлежит во многом Эмерсон, которая прекрасно показала в своей статье разделение героев на несколько типов. «Рассмотрим сначала Белгородскую крепость. Это... пародия на военный порядок, которым управляет жена капитана, идеальное место для детей, чтобы оставаться недифференцированными. И взрослые здесь также превращаются обратно в детей. Мы видим, как Иван Кузьмич играет со своими ветеранами, своими солдатами (“милыми солдатами”), которых он муштрует в ночном колпаке и халате. В крепости есть свои ритуалы, но нет настоящего желания или опасности: игры не для победы, а для того, чтобы скоротать время. ...Белгородская крепость – это место, где стареют, а не где взрослеют» [Emerson: 66]. Очень интересно, что эта позиция исследовательницы не получила широкого освещения в отечественном литературоведении последних десятилетий.

Эмерсон последовательно и четко анализирует сопоставление и мнимое противопоставление в романе Гринева и Швабрина, которых можно рассматривать и как оппонентов, и как двойников (исследовательница опирается и на черновики Пушкина, в кото-

рых указанные герои мыслились иначе). Швабрин притягивает и отталкивает Петрушу, предоставляет ему возможности для наиболее скорого взросления. По мнению Эмерсон, этап взросления Петруши начинается тогда, когда он избегает защиты, проявляет собственную инициативу: «На этой второй стадии повествования (где сын пытается стать взрослым) Петруша созревает и в других отношениях. На самом прямом уровне он становится единственным защитником Маши, ее отцом и матерью» [Emerson: 69].

Предметом наблюдений Эмерсон являются взаимоотношения солдат в крепости (детско-родительские) и солдат у Пугачева (товарищеские). Исследовательница показывает, что детскость Петруши и его несамостоятельность связана с авторитарным стилем отца, а желания направлены в сторону взрослости: «Проблема не в “Эдиповом комплексе”, а, если угодно, в том, что Гастон Башляр назвал “комплексом Прометея”, то есть не в агрессии сына против отца, а в его желании знать столько же, сколько и отец, стремлении к равенству с ним» [Emerson: 72].

В свете рассуждений исследовательницы особенно примечательным оказывается название романа. Маша Миронова, на первый взгляд, героиня пассивная, однако «в конечном итоге именно Маша совершает поездку и дает свое имя роману. Спасительная сила прощения становится функцией дочери, а не отца...» [Emerson: 74].

Александр Гросс обращается к «поэтике насилия» в романе Пушкина, предлагая подход, в котором опирается на прочтение насилия как ключа к пониманию мотивов текста. В литературоведении немало сказано об «Истории Пугачева» Пушкина и «Капитанской дочке» как произведениях, в которых писателем был по-разному использован собранный в ходе работы над одной темой (восстания Е. Пугачева) материал [Богданова]. Гросс считает, что моменты насилия, подобные тем, которые определили крестьянские восстания в пугачевский период, в «Капитанской дочке» переосмыслены и повторно развернуты как форма политической полемики [Гросс: 64]. Очень важно, что исследователь отмечает сжатость, лаконичность представленного Пушкиным насилия, сцен жестокости, которых в романе (с учетом описываемого времени и событий) совсем немного. Но Гросс подчеркивает важное расположение соответствующих сцен и выявляет своеобразные акценты, сделанные Пушкиным: он пишет о параллелизме казни Мироновых фактически в начале романа и казни Пугачева в финале и отмечает, что «эти жестокие сцены выделяются тем более, что после них не следуют похожие», что перед нами «симметрично выстроенные сцены казни, которые обрамляют текст» [Гросс: 66]. Исследователь считает данную рифму эпизодов и своеобразную кольцевую композицию, создаваемую ими,

символическими в плане присутствия насилия в имперском обществе, его постоянного ощущения русскими подданными, причем не только в связи с имеющимися в романе карательными моментами, но в гораздо более широком смысле (который ощущался самим писателем со стороны императора Николая I). Гросс склонен считать, что поэтика насилия в романе Пушкина должна была открыть глаза на настоящее и будущее современникам автора, дать своеобразное наставление потомкам.

Отечественные ученые XX в. и первой четверти XXI в. очень по-разному, но при этом преимущественно в одном ключе прочитывают сдержанность писателя в «Капитанской дочке» применительно к изображению жестоких и кровавых сцен (последних и совсем нет в романе). Г.П. Макогоненко в духе советского литературоведения отмечал реализованную в художественном мире романа жестокость: «Пушкин ничего не скрывает. Он объясняет. Жестокость порождена и беспощадной борьбой двух смертельно враждебных сторон, и веками накапливавшейся ненавистью к угнетателям» [Макогоненко: 63]. Современные исследователи прекрасно улавливают и наличие двух сторон русской жизни, и глобальной пропасти между ними, понимают и оценивают сдержанность Пушкина в изображении жестокости, однако не трактуют символический подтекст этого поэтического хода. С.А. Никольский находит в «Капитанской дочке» «признаки отношения Пушкина к идее общественного переустройства», однако отмечает, что писатель «остаётся в границах идеологии государственной деятельности просвещенного монарха» [Никольский: 207]. Т.В. Зверева справедливо начинает рассуждать о критическом отношении Пушкина к власти: «В последней главе речь идет, прежде всего, о современных Пушкину событиях. В преддверии суда над декабристами Пушкин, как и многие, ждал от молодого императора милости...» [Зверева: 46]. Однако вслед за этими замечаниями сглаживает остро стоявший для Пушкина вопрос: «Вместе с тем нельзя полагать, что последняя глава «Капитанской дочки» являет собой пушкинский суд над Николаем I, позиция автора намного сложнее и противоречивее. Предъявляя императору вину, Пушкин одновременно и прощает его, как простил когда-то Александра I» [Зверева: 47]. Современные ученые фактически игнорируют точку зрения Гросса о намеренной сдержанности Пушкина в плане изображения насилия и жажды крови, но при этом передаче насилия над личностью и народом через рифмовку образа виллицы в начале и конце романа.

Гросс рассматривает занятие форта (Белгородской крепости) как семиотический момент в романе, в который происходит акцент на дискурсе власти в самодержавном государстве, а затем насильственное по-

вторное навязывание власти, когда народ принимает узурпацию нового царя. По мнению исследователя, Пушкиным представлена максима правления – казнить или миловать. Гросс цитирует М. Фуко, замечая, что «публичное наказание – это церемония, посредством которой восстанавливается на мгновение уязвленный государь», что «наказание осуществляется таким образом, чтобы дать зрелище не меры, а дисбаланса и избытка» [Гросс: 70].

И.Ю. Матвеева и Е.Е. Евлампиев фиксируют прекрасно осознаваемые Пушкиным в «Капитанской дочке» недостатки имперского правления, они пишут об отношении Пушкина к Петру I, смогшему создать «полюс “кумиров”, начало вечных ценностей государства», но, как и последующие российские императоры, не сумевшего «организовать и гармонизировать народную стихию», начавшего ее подавление и сковывание [Матвеева: 130]. Указанные исследователи рассматривают самозванство как «революционный» акт, «направленный не на разрушение государства, а на резкое изменение вектора его движения» [Матвеева: 133–134]. Однако ученые не пишут о личном ощущении Пушкина как человека, творца, товарища многих декабристов, сочувствующего их взглядам. Гросс же проводит прямую связь между сценами казни в романе и жестоким подавлением восстания декабристов.

Исследователь не умалчивает о возможном сочувствии Пушкина революционным взглядам в их именно интеллигентном представлении и отмечает «признание Пушкиным своего шаткого положения», «его собственные пронзительные размышления о своей возможной судьбе, если правительство решит преследовать его». Гросс справедливо оперирует фактами, вспоминая первую строку Пушкина «И я бы мог, как шут...» и напоминая читателю о рисунке Пушкина, датирующемся ноябрем 1826 г. [Гросс: 71], на котором, кстати, изображены (вверху и внизу листа) две виселицы. Единственное, исследователь ошибочно отмечает, что казнь декабристов состоялась в июле 1827 г. (ошибка в дате, на самом деле – в июле 1826 г.). Гросс видит параллели между сценами исторических романов Вальтера Скотта и сценами у Пушкина – гораздо более жестокими в «Истории Пугачева» и символическими в «Капитанской дочке». Гросс трезво оценивает значительный диапазон насилия, который был в распоряжении Пушкина как художника-реалиста и анализирует его решение «ограничить себя повешениями в “Капитанской дочке”», которое стало значимым авторским выбором [Гросс: 73].

Также Гросс отмечает, что в «Капитанской дочке» есть и другая линия описания взаимоотношения с властью – то направление, в которое проблема насилия в царском режиме трансформировалась в ситуации с Пушкиным. Речь идет об «осторожной поли-

тической игре», которую Николай I вел с Пушкиным; она допускала некоторые взаимные уступки, которые Пушкин вписывает в отношения Гриневы и Пугачева» [Гросс: 73]. Таким образом, художественный мир романа, по мнению исследователя, включает жестокость и насилие не собственно как методы воздействия на поэта (которые в случае с Пушкиным были заменены на «бархатную перчатку»), а позднее на постоянный надзор), но как осмысление ключевых элементов русской жизни не только XVII в., но также XVIII и XIX вв.: «Официальное насилие, присутствующее в романе, внесудебные казни, важны не только для их переосмысления и инвертирования господствующего дискурса, но и для представления распада, который является ключом к проблеме “русского бунта как бессмысленного и беспощадного”» [Гросс: 74].

Личные взаимоотношения Пушкина и царя, которые, по мнению исследователя, сопровождалась «унизительной зависимостью и всеми уколами, которые может испытывать только положение просителя» [Гросс: 74], оказались отраженными в «Капитанской дочке» и в форме проблемного родства, как вопрос отцовского надзора. Одна из основных проблем не жестокости, но именно насилия реализована Пушкиным в романе сознательной интерполяцией патриархальных отношений. Гросс считает, что «патриархальный элемент является еще одним ключом в полемической формулировке романа» [Гросс: 76].

Идеи статьи Кэрил Эмерсон, обозначенные нами выше, находят отражение и в работе *Лесли О’Белл*, посвященной семейным мемуарам как основе «Капитанской дочки» и непосредственно Гриневу как личности. О’Белл, как и большинство критиков, рассуждает о жанровой специфике романа Пушкина, находя в произведении фактически равное сочетание исторического и семейного. Исследовательница мудро не отдает предпочтения одному или другому, поскольку общее и личное выступают двумя сторонами жизни человека. Не случайно О’Белл упоминает о «Войне и мире» Толстого, видя прочную и очень глубокую связь между сочетанием частного, приватного и всеобщего у Пушкина и Толстого. По мнению исследовательницы, жанр автобиографических записок благодаря Гриневу обретает «чувство документального реализма и исторически достоверный голос» [O’Bell: 48]. Кроме того, фигура Гриневы позволяет писателю до определенного времени оставить сокрытой романную точку зрения. Наконец, Гринев позволяет Пушкину передать тему собеседника, выражения человека в диалоге: «Гринев служит в основном как посредник либо как средство для передачи реального исторического сознания, проводник, вводящий нас в главное, лабиринт сюжета и темы, или маска, скрывающая конечную награду, я автора» [O’Bell: 49].

Значительной заслугой зарубежных исследователей, по нашему мнению, является непредвзятое отношение к герою Пушкина, готовность анализировать стадии его движения как личности, пытающейся выжить в непростое время, а не только как своеобразного «рыцаря» и представителя семьи, клана. Отечественные исследователи и в советское время, и сейчас пытаются максимально разобраться в самоощущении и самовыражении Гринева, Пугачева и вписать этих героев, а также историю их взаимоотношений во все общественные, политические процессы. Зарубежные ученые в этом отношении нередко более трезво оценивают путь человека, не случайно многие иностранцы упоминают работу Марины Цветаевой «Пушкин и Пугачев». Напомним, что Цветаева там очень хорошо, доходчиво и лаконично отметила: «Гринева Пугачеву нужен ни для чего: для души. Так цыгане любят белых детей. Так русский царь любил арапа Ибрагима. Так Николай I не полюбил Пушкина» [Цветаева: 503].

О'Белл отмечает, что «Гринева был впервые оценен не сам по себе, а как проводник семейной хроники», а последняя существовала для критиков консервативного толка (Ап. Григорьева и Н.Н. Страхова) не как история и опыт души отдельной личности, а как основа для утверждения определенного круга ценностей: «Для них хроника существовала для утверждения консервативных семейных ценностей, позволяя им преуменьшить своеобразную встречу сына дворянина с русской революцией, русским бунтом» [O'Bell: 49]. Исследовательница несколько «переворачивает» эту ситуацию, показывая, что именно с личной истории начинается история государства, она иллюстрирует, как причудливо сплетаются в романе два понимания семьи и мемуаров. О'Белл также рассуждает о детско-родительских отношениях, видя в них прочерченный путь героя. Семейные мемуары Гринева, по мнению автора статьи, «объединяют множество индивидуальных источников, являются образцовыми мемуарами и в другом смысле, в смысле культурного архетипа» [O'Bell: 52].

По мнению исследовательницы, Гринева выступает в романе представителем своей семьи (как равно и Маша), на определенном этапе Петруша «включает голоса Савельича, а также его матери и отца», герой с легкостью пересказывает слова другого, воспроизводит реплики и тексты записок. Однако Пушкин полностью поднимается над своими персонажами, при общей симфонической и многогранной роли Гринева он показывает его некоторую ограниченность и включает в повествование нерассказанные мемуары Маши Мироновой. Таким образом, Пушкин не замыкается на одном подходе к мемуарам и единственной точке зрения, Пушкин не принижает женскую точку зрения», наоборот, спасая Гринева, Маша становится частью его личной истории [O'Bell: 56].

Еще в одной интересной статье *Полины Рикун* Гринева характеризуется как герой-плут, трикстер. Исследовательница убеждена, что целостный характер Гринева складывается из противоречий и постоянных подмен, поэтому Петруша оказывается «посредником, который может соединить любые два диаметрально противоположных качества или явления» [Rikoun: 16]. Большое значение в статье придается языковой игре Гринева – его настоящему оружию: «Его умение соединять правду с ложью, буквальное с образным, прямое с двусмысленным позволяет Петру выпутываться из, казалось бы, неизбежных ловушек» [Rikoun: 16]. И такое умение Гринева говорить, его языковое богатство и мастерство воспринимаются отнюдь не отрицательно, а как богатство личности, ее важные и ценные умения.

Немалое внимание и место в статье уделено представлению героев-трикстеров, которыми, как считает Рикун, являются и красноречивый Пугачев, и Гринева. Исследовательница предлагает читателям ряд фактически риторических вопросов, которые основаны на выводах и суждениях предшествующих читателей и ученых. Так, к примеру, ставится вопрос об уме и глупости Гринева, степени его развития – сведения об образовании и интеллектуальных способностях героя в романе достаточно противоречивы. Еще одна нерешенная проблема в характере Гринева, по мнению Рикун, заключается в том, «взрослеет ли он в ходе романа или остается неизменным» [Rikoun: 21]. Наконец, приводя разные мнения исследователей, Рикун отмечает, что очень сложно понять, кем в общественно-политическом плане является Гринева – бунтарем или лоялистом.

Исследовательница не видит смысла искать однозначные ответы на поставленные вопросы, поскольку их нет: «Если мы попытаемся разрешить противоречия Гринева, мы просто запутаемся в противоречивых доказательствах. Но что, если мы примем противоречие как основу характера Гринева? Если мы это сделаем, то возникает связанная модель: характер Гринева последовательно парадоксален. На протяжении всего романа он соединяет, казалось бы, несовместимые характеристики, такие как глупость и мудрость, наивность и смекалка, застой и изменение, конформизм и бунт. Более того, эти парадоксы приобретают смысл, если мы воспринимаем Гринева как обманщика – персонажа, чья функция заключается в посредничестве между всеми противоположностями» [Rikoun: 22].

Спустя четыре года после публикации работы Рикун другой исследователь – А. Эббингхаус – написал статью, в которой предположил, что Гринева в «Капитанской дочке» – это герой-лжец, которого Пушкин намеренно сделал конципированным автором мемуаров. В доказательство этому Эббингхаус приводит

множество «непримиримых противоречий повествования» [Эббингхаус: 164]. С данной концепцией автора согласиться, конечно, сложно, однако сразу же вспоминаются те риторические вопросы, которые поставила Полина Рикун. Она не видит в лавировании Гринева между вражескими лагерями какого-либо предательства, так как персонаж Пушкина выполняет важнейшую задачу преодоления классовых границ и «примирения двух конкурирующих культурных идентичностей России»: «Оказываясь часто подвешенным между востоком и западом, Гринев курсирует между двумя царствами как своего рода переводчик» [Rikoun: 25].

Заметим, что проблема поставлена очень правильно, а отношение читателя к Гриневу не может быть отрицательным. Гринева не только нельзя обвинять, но можно хвалить: он пытается выжить благодаря своим знаниям, чувствам, дипломатическим умениям (во многом данным ему от природы и сформированным в результате саморазвития, наблюдения за жизнью), сближая два полюса русской жизни, между которыми в вынужденном положении оказывался герой-интеллигент. Отдельное внимание Рикун уделяет языковым навыкам Гринева: «Способность Гринева манипулировать языком является ключевым навыком, который позволяет ему стать посредником в трех других сферах. Благодаря своему подвижному языку молодой человек умудряется удовлетворять противоборствующие моральные кодексы, что, в свою очередь, позволяет ему преодолевать разрыв между враждующими классами и конкурирующими культурами» [Rikoun: 26].

Рикун подробно анализирует некоторые диалоги Пугачева и Гринева, доказывая справедливость своей теории, показывает на конкретных предложениях, как Гринев «запускает одну из самых хитрых словесных игр в русском языке»: «Притворяясь, что говорит простую правду, Гринев предлагает Пугачеву усомниться в том, что такое правда, и пересмотреть свою позицию» [Rikoun: 29]. Исследовательница мастерски прочитывает и разгадывает манипуляции Гринева, которые герой выстраивает, основываясь на всем своем опыте, прекрасно ориентируясь в конкретной складывающейся ситуации. Анализ глубинных смыслов слов и метафор позволяет Рикун прийти к пониманию сложной ситуации: Гринев «сумел создать альтернативные роли для себя и Пугачева – они больше не государи и подданные, а товарищи-трюкачи; их поле битвы – язык, и удачно повернутая фраза может вернуть жизнь и свободу осужденному» [Rikoun: 31].

Отметим, что Рикун тонко и мудро использует в своей статье и концепции коллег, она показывает, как Гринев буквально вырывается из привычных форм и условий, как он адаптируется, каким обра-

зом движется «от детской защищенной праздности к взрослым занятиям и обязанностям» [Rikoun: 32]. Исследовательница приходит к важнейшему выводу о том, что Пушкин не мог избрать другого героя для своего романа, Гринев был удивительной находкой писателя, поскольку он решает вопросы, которые встают не только перед ним, но и перед всем дворянством России.

Таким образом, в работах зарубежных исследователей о «Капитанской дочке» Пушкина представлено немало важных и ценных новаторских идей и открытий. Англоязычные ученые, работы которых освещены в данной статье, чрезвычайно внимательны к языку и композиции романа, они прекрасно видят конфликт личности и среды и его разрешение у Пушкина, столь не характерное для западноевропейского романа. Примечательно, что большинство зарубежных исследователей обратили особенное внимание на гигантский разрыв в культуре и образовании, в понимании и видении жизни двух различных групп людей в России, который многие отечественные ученые склонны затушевывать за анализом внешних политических проблем.

Завершить данную статью нам хотелось бы одним достаточно далеким, но в то же время возможным соотношением, связанным как раз с глубоким, критическим разрывом, который был между высшим светом и народом в царской России. В начале «Капитанской дочки», когда Гринев спрашивает о вожатом, а Пугачев свешивается с полатей, Петруша видит «черную бороду и два сверкающих глаза» [Пушкин: 270], а чуть позднее вожатый начинает переговариваться с хозяином в иносказательном разговоре. Савельич в это время испытывает подозрение и беспокойство. Нельзя исключать, что образ вожатого, говорившего непонятные для Гринева фразы, был переосмыслен и использован Толстым в романе «Анна Каренина» – связь далекая, но все-таки ассоциативно отмечаемая. Ведь и Алексей Вронский, и Анна Каренина видят во сне мужика с взъерошенной бородой, говорившего «по-французски какие-то странные слова», «приговаривавшего по-французски скоро-скоро» [Толстой: 375, 381].

Список литературы

Источники

Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Ленинград: Наука, 1978. С. 258–372.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 18. Москва: Худ. лит., 1934. 570 с.

Цветева М.И. Пушкин и Пугачев // Цветева М.И. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5 / сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. Москва: Эллис Лак, 1994. С. 498–525.

Исследования

Богданова О.В. Дилогия А.С. Пушкина «История пугачевского бунта» и «Капитанская дочка» (образ Емельяна Пугачева) // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 6–18.

Зверева Т.В. А.Н. Радищев и Н.М. Карамзин в идейном контексте «Капитанской дочки» А.С. Пушкина // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 41–50. <https://doi.org/10.26170/FK20-01-04>

Макогоненко Г.П. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. Ленинград: Худ. лит., 1977. 110 с.

Матвеева И.Ю., Евлампиев И.И. Петр I и Пугачев: зарождение идеи «народной империи» в творчестве А.С. Пушкина // Соловьевские исследования. 2022. № 3 (75). С. 123–139. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2022.3.123-139>

Никольский С.А. Переустройство общества, пересоздание человека: крах иллюзий // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7, № 2. С. 203–222. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-2-203-222>

Эббингхаус А. Петр Гринева как мемуарист в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1-2 (82). С. 163–170.

Emerson, Caryl. Grinev's Dream: The Captain's Daughter and a Father's Blessing. Slavic Review, 1981, vol. 40, No. 1, pp. 60-76.

Groce, Alexander. Aleksandr Pushkin's 'The Captain's Daughter': A Poetics of Violence. Ulbandus Review, 2010, vol. 13, pp. 64-78.

O'Bell, Leslie. Pushkin's Novel "The Captain's Daughter" as Fictional Family Memoir. Pushkin Review, 2007, vol. 10, pp. 47-57.

Rikoun, Polina. Grinev the Trickster: Reading the Paradoxes of Pushkin's "The Captain's Daughter". The Slavic and East European Journal, 2007, vol. 51, No. 1, pp. 16-34.

References

Bogdanova O.V. *Dilogiia A.S. Pushkina "Istoriia pugachevskogo bunta" i "Kapitanskaia dochka" (obraz Emel'iana Pugacheva)* [The Dilogy of A.S. Pushkin "The History of the Pugachev Rebellion" and "The Captain's Daughter" (the Image of Yemelyan Pugachev)]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2019, No. 1 (36), pp. 6-18. (In Russ.)

Ebbinghaus A. *Petr Grinev kak memuarist v "Kapitanskoi dochke" A.S. Pushkina* [Pyotr Grinev as a mem-

oirist in "The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2011, No. 1-2 (82), pp. 163-170. (In Russ.)

Makogonenko G.P. *"Kapitanskaia dochka" A.S. Pushkina* ["The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin.]. Leningrad, Khudozestvennaia literature Publ., 1977, 110 p. (In Russ.)

Matveeva I.Iu., Evlampiev I.I. *Petr I i Pugachev: zarozhdenie idei "narodnoi imperii" v tvorchestve A.S. Pushkina* [Peter I and Pugachev: the emergence of the idea of the "people's empire" in the works of A.S. Pushkin]. *Solov'evskie issledovaniia*, 2022, No. 3 (75), pp. 123-139. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2022.3.123-139> (In Russ.)

Nikol'skii S.A. *Pereustroistvo obshchestva, peresozdanie cheloveka: krakh illuzii* [Reorganization of society, re-creation of man: the collapse of illusions]. *Filosofiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2023, vol. 7, No. 2, pp. 203-222. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-2-203-222> (In Russ.)

Zvereva T.V. A.N. *Radishchev i N.M. Karamzin v ideinom kontekste "Kapitanskoi dochki" A.S. Pushkina* [A.N. Radishchev and N.M. Karamzin in the Ideological Context of "The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin]. *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2020, vol. 25, No. 1, pp. 41–50. <https://doi.org/10.26170/FK20-01-04> (In Russ.)

Emerson, Caryl. Grinev's Dream: The Captain's Daughter and a Father's Blessing. Slavic Review, 1981, vol. 40, No. 1, pp. 60-76.

Groce, Alexander. Aleksandr Pushkin's 'The Captain's Daughter': A Poetics of Violence. Ulbandus Review, 2010, vol. 13, pp. 64-78.

O'Bell, Leslie. Pushkin's Novel 'The Captain's Daughter' as Fictional Family Memoir. Pushkin Review, 2007, vol. 10, pp. 47-57.

Rikoun, Polina. Grinev the Trickster: Reading the Paradoxes of Pushkin's "The Captain's Daughter". The Slavic and East European Journal, 2007, vol. 51, No. 1, pp. 16-34.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 18.07.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.